

Евгений Новиков

Владимирский централ

Правда
о жизни и смерти
Михаила Круга

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-31
ББК 84-44(2Рос=Рус)
Н73

Иллюстрация на обложке – *Александр Воробьев*

Права на стихотворения принадлежат
ЗАО «Юнайтед Мьюзик Групп»

Н73 Евгений Новиков

Владимирский централ : правда о жизни и смерти Михаила Круга / Евгений Новиков. – Москва : Издательство «АСТ», 2017. – 352 с. – (Современные биографии).

ISBN 978-5-17-084966-6.

Михаил Круг – автор и исполнитель всенародно любимых песен в жанре русский шансон, человек с загадочной душой и открытым сердцем, вдохновивший своим творчеством целую страну в переломный для нее период. Без преувеличения можно сказать, что песни «короля русского шансона» осветили путь миллионам россиян, поддерживали и направляли их.

В книге собраны воспоминания родственников и друзей Михаила Круга, описана его жизнь – первые поэтические опыты, становление творческого пути, ключевые встречи и переломные моменты жизни. Михаил Воробьев (Круг) предстает перед нами не звездой всероссийской величины, а человеком тонко чувствующим, справедливым и принципиальным.

УДК 82-31
ББК 84-44(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-084966-6.

© Новиков Е.
© ООО «Издательство АСТ»
© ЗАО «Юнайтед Мьюзик Групп»

В жаркий полдень 3 июля 2002 года после гражданской и церковной панихиды по Михаилу Кругу сотни машин единой траурной процессией направились на север Твери к Дмитрово-Черкасскому кладбищу. И показалось, что город, как корабль, чуть накрепился в ту же сторону, туда, где должен был найти последний приют король русского шансона.

Запах свежей земли и цветов... Когда гроб опускали в могилу, мать певца, Зоя Петровна, услышала у себя за спиной: «Они не найдут убийц, мы найдем».

С тех пор прошло уже пятнадцать лет, и образ Михаила Круга стал легендой. О нем, о его жизни и смерти пишут книги, снимают фильмы, а в средствах массовой информации время от времени появляются сенсационные сообщения о наконец-то найденных убийцах певца. Потом, правда, выясняется, что опубликованные сведения не совсем соответствуют действительности, но очень скоро все повторяется — подобный «свежак» всегда привлекает читательское и зрительское внимание. Ведь интерес к личности

Михаила Круга и к его творчеству не убавляется с годами, его песни по-прежнему любят и слушают сотни тысяч, если не миллионы людей. Достаточно сказать, что в одной только группе «Фонд творческого наследия Михаила Круга» социальной сети «ВКонтакте» (vk.com/mkrug) зарегистрировано около восьмидесяти тысяч пользователей. Собственно говоря, после ухода из жизни Михаила Круга трон короля русского шансона до сих пор остается незанятым.

Конечно, разного рода мифы, легенды и время от времени всплывающие на свет сенсации подогревают интерес к творчеству Михаила. Но все-таки очень многим хочется знать и то, каким он был человеком на самом деле, как жил, что стало причиной трагедии в ту ночь, когда он был смертельно ранен. Для таких людей и написана эта книга. Она основана не на досужих вымыслах, в ней нет скандальных, но непроверенных фактов. В книгу вошли воспоминания самых близких людей певца: родственников, друзей, коллег, тех, кто хорошо знал его, работал с ним. Многое было записано еще десять лет назад, сразу же после гибели певца, что называется, по горячим следам случившейся трагедии. Не все из тех, кто рассказывал тогда о Михаиле Круге, теперь живы, и поэтому их соображения и воспоминания имеют особую ценность. Как известно, человеческая память с годами тускнеет, что-то забывается, выцветает, что-то, напротив, домысливается и воспринимается как факт. Поэтому многие мемуары дают искаженную картину когда-то происходивших событий. А в этой книге многие со-

бытия тех времен не замутнены более поздними впечатлениями и размышлениями.

С другой стороны, «лицом к лицу лица не увидеть», и время многое расставило на свои места. Теперь есть возможность по-новому осмыслить творчество Михаила Круга, его судьбу, его гибель. И эта книга предлагает читателю собранные в разные годы свидетельства друзей и близких певца, собранные вместе известные и новые факты, в том числе относящиеся и к трагедии.

Смерть в сорок лет, на взлете... Как такое могло случиться, почему это случилось?

...В романе «Мост короля Людовика Святого» американского писателя Торнтона Уайльдера рассказывается об обрушении моста и гибели пяти людей, находившихся на нем в тот момент. Уайльдер пытается понять, почему погибли именно эти люди, есть ли в этом их вина и можно ли в произошедшем увидеть Промысел Божий?

Схожие вопросы вызывает и жизнь Михаила Круга: как удалось этому парню из самой обычной семьи добиться всенародной известности, и почему судьба отвела ему только сорок лет земной жизни? Поиску ответов на эти и другие вопросы посвящена моя книга.

Дворы детства

Если ехать по железной дороге из Москвы в Санкт-Петербург, то сразу же за станцией Тверь с правой стороны покажутся здания из красного кирпича. Это Морозовские казармы Пролетарского района, который всегда считался одним из самых неблагополучных в городе, как в Нью-Йорке — Гарлем.

Именно здесь 7 апреля 1962 года в половине одиннадцатого вечера в родильном доме № 2 появился на свет Миша Воробьев. Врач констатировал: четыре килограмма триста граммов.

7 апреля — Благовещение, но в те годы повального атеизма церковные торжества не отмечали красным в календарях, и открыто праздновать их было нельзя. Тем не менее, и мать, и отец Миши Воробьева были рады, что второй ребенок в их семье (старшей была дочь, Ольга) родился именно в этот день. «Большая радость и великая честь, что мальчик родился в этот день», — говорила и прабабушка новорожденного.

Она была человеком верующим, прихожанкой «Белой Троицы» (храма Троицы Живоначальной в Затьмачье), единственной действовавшей тогда в городе церкви.

Итак, Благовещение, криминальный уголок Твери и рождение ребенка. С этого и начинается история будущего короля русского шансона Михаила Круга. Здесь, в 48-й казарме, в комнате № 20, где жила семья Воробьевых, он получил первые впечатления о жизни. Для того, чтобы понять, какими они были, достаточно одного взгляда на Пролетарку с ее мощными красно-кирпичными казармами.

Казармы были построены до революции известным фабрикантом Морозовым для своих рабочих. В сущности, Морозов построил не просто рабочий городок, а каменное сердце исполина по имени «капитализм». Тысячи, десятки тысяч тверских крестьян стали «кровью» этого исполина, мучительно выволакивавшего Россию из крестьянского прошлого в индустриальное будущее.

Здесь жили и прабабушки и прадедушки будущего знаменитого шансонье. Почти все они работали на фабрике «Тверской мануфактуры» — ткачихи, прядильщицы, нормировщики, монтеры. Жизнь с фабрикой связали семь сестер и братьев бабушки Михаила; по стопам родителей шли дети, внуки — целая рабочая династия. Как-то посчитали и ахнули: оказалось, что в общей сложности Воробьевы проработали на морозовских фабриках 258 лет. Четверть тысячелетия! И только брат бабушки, Александр Михайлович, «пошел в искусство» — был трубачом в оркестре мо-

сковского Большого театра. Сам того не ведая, он проторил дорожку для Михаила, который прославил и себя, и Пролетарку, и Тверь на всю Россию.

Свои первые шаги Миша Воробьев делал по дворам и улицам, которые хорошо помнили и рабочие стачки, и классовые бои, мало чем отличавшиеся от массовых беспорядков, и немецкую оккупацию во время Великой Отечественной, и жестокую поножовщину и постоянный неукротимый разгул местных жителей. А накал этого разгула был примерно одинаковый что в царские времена, что в советские.

Район, в котором появился на свет Михаил Круг, всегда был кошмаром благонамеренных граждан. Даже в советское время милиционеры опасались поодиночке заходить в Морозовские казармы — убьют, и концов не сыщешь. И такое не раз здесь случалось.

Винный магазин, казарма, пивная, спортзал, где тренируются мальчишки, будущие криминальные «авторитеты», — все это Пролетарка семидесятых. Конечно, ко времени рождения Миши Воробьева ее буйный нрав чуточку смягчился, но менталитет живущих здесь людей оставался далеким от законопослушности. В те времена здесь часто случались разборки, поножовщина. Парни, жившие здесь, ходили драться с «залинейными» (район за железной дорогой у Пролетарки. — *Примеч. авт.*).

А ребяташки помладше бегали по дворам, играли в казаки-разбойники и, как вспоминал Михаил, — в пробки, заменявшие им монеты.

Безусловно, первые эстетические и в том числе песенные впечатления Миша также получил в первые годы своей жизни на Пролетарке. Что до музыки, которую он тогда слышал, то можно с уверенностью сказать, что это была не классика Баха или Гайдна, не арии из опер (которые и по радио-то редко транслировались), и, конечно, не скрипичная или фортепианная игра учеников музыкальной школы. Таких учеников в Морозовском городке, пожалуй, и не было. Зато здесь звучали дворовые песни под гитару и лирические народные — под аккордеон и гармонику. Их пели лимитчицы, приехавшие из деревень в областной центр работать на фабрике ткачихами.

И, конечно, Миша очень часто слышал пение бабушки и мамы.

— У нас многие в семье пели. Моя бабушка вообще была известной на всю округу певицей: и в церковном хоре, и на народных гуляньях в роще первой певуньей была, — вспоминает мама Михаила **Зоя Петровна**. — И я любила петь. Бывало, вывезу во двор коляску, вяжу что-нибудь для Мишеньки, чтобы без дела не сидеть, а сама сказку какую-нибудь ему рассказываю или потихоньку пою. А Миша был молчун, лежит и слушает.

Все мы родом из детства. Естественно, что эти первые детские впечатления во многом определили творческие пристрастия Михаила Круга и впоследствии нашли свое отражение в его музыке. Позднее он посвятил дворам своего детства песни, которые стали известными всей России.

У бабушек в гостях

В 1965 году семья Воробьевых переехала из 48-й казармы Пролетарки в квартиру на улице Орджоникидзе в Новопромышленном (ныне Московский. — *Примеч. авт.*) районе города. Но Миша по-прежнему проводил много времени на «Пролетарке», жил у бабушек, бегал с друзьями-мальчишками по дворам Морозовского городка.

Уже став взрослым и известным, Круг говорил, что на душе его становится как-то по-особенному грустно, когда он подходит к казармам на Пролетарке, к бывшему своему дому. Он вспоминал своих друзей детства, вспоминал, как в шортах и сандалиях бегал с ними когда-то по этим дворам, как ходил с ними на Тьмаку, в те годы еще достаточно чистую для купания.

Потом он находил время, чтобы побывать в местах своего детства, взглянуть на «Париж» (так называется одна из казарм, знаменитая своим архитектурным обликом. — *Примеч. авт.*), постоять у маленького — а прежде он казался таким большим — двора между 47-й и 48-й казармами:

«...Пролетарские дворы детства

Общежитием давно стали.

Там по меркам нынешним тесно,

Но мы жили там — так всех знали».

Все поэты сентиментальны, все вспоминают свое детство. Круг всегда говорил, что у него оно было счастливым.

На новом месте

Семья Воробьевых стала жить в двухкомнатной хрущевке. Ее, как принято тогда было говорить, дали отцу от вагонзавода, где он в то время работал. Рядом с домом был детский сад, куда стали водить Мишу. Старшая сестра Ольга ходила в тридцать девятую школу, которая тоже была под боком. Очень удобно — не надо перед работой возить детей куда-нибудь на другой конец города, как это приходилось делать в некоторых семьях. Тесновато, конечно, в квартире но, как говорится, в тесноте да не в обиде. Выходные Миша с сестрой почти всегда проводил у бабушек на Пролетарке.

По субботам Зоя Петровна возила сына мыться в баню на Советской. Те детские впечатления от помывок в женском отделении нашли позднее отражение в известной песне «Мамины подружки», где шансонье рассказывает о том, как «дрыгал ножкой и ревел», когда мамы подружки брызгали в него водой. И как однажды спросил у самой толстой — тети Зины: «Где у вас — как у меня?»

Мишу окрестили. Сначала хотели провести обряд в церкви в загородном поселке Эммаус или в Горodne, чтобы отцу на работу не сообщили, но потом кто-то сказал, что можно крестить в городе, в «Белой Троице»: на религию с недавних пор — послабление.

При крещении присутствовали мать, отец и бабушка со стороны отца. «Вот Белая Троица, звездная ночь и дом, где крестили меня». — прозвучит позднее в одной из песен Круга.

Мы — чемпионы!

Миша рос крепким, подвижным, любознательным мальчиком, пошел в первый класс. Учился легко и охотно.

— К четвертому классу он стал уже выделяться среди одноклассников, — говорит **Зоя Петровна**. — Был среди мальчишек заводилой.

Он всегда был в гуще событий, в спортивных играх не отставал даже от ребят постарше. Хоккей — одно из первых его увлечений, почти любовь. Впрочем, в те годы все мальчишки бредили хоккеем.

Тут стоит привести один малоизвестный, но весьма примечательный факт. За несколько месяцев до «матчей века», когда сборная СССР впервые провела серию встреч с канадскими профессионалами, в Калининне состоялась своего рода «проба пера». Местная хоккейная команда сыграла против одной из профессиональных команд НХЛ. В том матче наши разгромили канадцев со счетом 11:2.

Это был настоящий триумф! Победа над канадскими профессионалами, не в столице даже, а в провинциальном городе, да еще с таким счетом! В конце

матча канадцы, разъяренные оглушительным поражением, устроили на льду потасовку. Но и тут наши парни оказались на высоте.

В «Советском спорте» и других центральных газетах об этом матче ничего не сообщалось, но о нем говорил весь Калинин. Миша Воробьев, тогда еще ученик начальных классов, конечно, слышал эти разговоры, а возможно, даже был на том триумфальном матче. Вместе с отцом, а чаще с друзьями-мальчишками он частенько бывал на стадионе «Химик», где проходили все ледовые баталии.

Впрочем, дело не столько в том конкретном матче, сколько в самом духе того времени: мы — первые в космосе, мы — самые сильные, наши хоккеисты — лучшие в мире. Мироощущение Михаила Круга формировалось по принципу, на котором был основан и весь советский эпос: мы — первые, мы — лучшие.

Под открытым небом

В наши дни хоккеисты тренируются во дворцах спорта: искусственный лед, теплые раздевалки, душ, аппараты с горячим кофе и чаем. А в те годы в городе не было ни искусственного льда, ни теплых раздевалок. Ребята играли на стадионе «Химик» под открытым небом и в мороз, и в пургу. Ездил туда на трамвае двенадцатого маршрута и Миша Воробьев вместе с ватагой подростков. А по вечерам смотрел, как играли взрослые.

Нынешние хоккейные матчи не похожи на те, которые проходили в конце шестидесятых — начале семидесятых: огромный заснеженный стадион погружен во мглу, и только у трибун, примыкающих «спиной» к Волге, горят лампочки над дощатым кортом и светят прожекторы. Лед расчищают фанерными лопатами замерзшие солдатики с красными в свете прожекторов ушами. На черных заснеженных трибунах — толпа мужчин и подростков. Между трибунами и кортом — сугробы и милиционеры в тулупах и валенках.

— Ты у меня доиграешься! — грозит страж порядка кому-то на трибуне. — Я тебя запомнил!

Заводской рабочий, изготовивший в родном цехе железную трубу и подудевший в нее во время опасного момента у ворот, поспешно прячется за спины товарищей. «Болезнь» можно только криками и сви-

стом — дудеть еще не разрешается. Калинин — это не Торонто и даже не Москва.

Сейчас фанаты разных команд бьются между собой и на трибунах стадиона, и вне стадиона. В те годы болельщики между собой не дрались, а вот с хоккеистами-соперниками своей любимой команды — бывало. Завяжется на льду кутерьма, болельщики перемахивают через сугробы и — в потасовку. Впрочем, фанаты тех времен, в отличие от нынешних, были менее кровожадными. Зазря чужаков не били и не столько дрались, сколько удерживали клюшки соперников, чтобы свои ребята могли «развернуться». Не одну и не две такие потасовки на льду видел Миша Воробьев...

Участвовал он и в дворовых драках. Ребята, жившие в окрестных домах, ходили выяснять отношения с ребятами «Треугольника» — так именовали здесь дома за улицей Орджоникидзе у рыбокомбината.

Андрей Иванов, с которым будущий певец познакомился в те детские годы и дружил до конца своей жизни, отмечает, что Миша вместе со всеми участвовал в этих «набегах» и в отражении ответных, но, как говорится, кровожадностью не отличался. Дрался храбро, но старался решать разногласия без кулаков — если есть возможность договориться, то почему эту возможность не использовать?

— А еще целыми днями бегали во дворе, играли в хоккей на утоптанном снегу дворовых дорог, — вспоминает **Андрей Иванов**. — А летом с утра до